

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 226–231

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 226–231

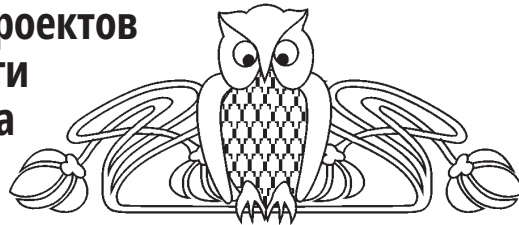
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231>

Научная статья

УДК 327.7

Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации

И. Н. Бурганова

Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, burganovain@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>

Аннотация. В статье изучается проблема политического сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации. Рассматриваются ключевые тенденции конфигурации политического сотрудничества Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и ЕАЭС. Проанализирована Концепция внешней политики в 2013 г., 2016 г. в контексте рассмотрения отношений со странами ЕАЭС. Рассмотрен вопрос интересов России и Китая в политическом сопряжении проектов ЭПШП и ЕАЭС в сравнительном ключе, а также показаны проблемные зоны их политического сопряжения.

Ключевые слова: политическое сопряжение, Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз, участие России в Экономическом поясе Шелкового пути и Евразийском экономическом союзе

Для цитирования: Бурганова И. Н. Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 226–231. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political aspects of the integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects for the Russian Federation

I. N. Burganova

Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

Inna N. Burganova, burganovain@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>

Abstract. The article deals with the problem of political conjugation of the projects of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union for the Russian Federation. The author examines key trends in the configuration of political cooperation of the Russian Federation with China and the EAEU. The article analyzes the Foreign Policy Concept of 2013 and 2016 in the context of considering relations with the EAEU countries. Interests of the Russian Federation and China in the political contingency of the SREB and the EAEU projects are considered in a comparative manner. The problem areas of political contingency of the EAEU and SREB projects are also shown.

Keywords: political association, the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union, Russia's participation in the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union

For citation: Burganova I. N. Political aspects of the integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects for the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 226–231 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Динамика современных международных отношений предполагает углубленный уровень политической коммуникации между игроками мирового сообщества. Логика такого процесса завязана на том, что интенсификация политического диалога государственных акторов

способствует нахождению общих точек соприкосновения в решении сложнейших вопросов международной повестки дня, позволяет увеличить количество союзников в выстраивании собственной системы внешнеполитической деятельности государства на международной арене.

не, а также нивелировать общие угрозы и риски национальной и международной безопасности.

Данная тенденция межгосударственного диалога становится очевидной в рамках организаций, характеризующих процесс экономической и политической интеграции. Государства, участвующие в интеграционном процессе, сначала интенсифицируют взаимовыгодное сотрудничество в экономической сфере, а затем переходят к более качественной ступени политического диалога, нейтрализуя глобальные вызовы.

Анализ проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) позволяет говорить о важности участия в них Российской Федерации. Заинтересованность российской стороны в евразийской интеграции на уровне ЕАЭС стала особенно заметной в условиях похолодания отношений с западными странами. Присоединение Крыма и Севастополя на фоне введения санкций в отношении России заставляет Москву диверсифицировать векторы внешней политики. Именно в этих обстоятельствах Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан Москвой (Россия), Минском (Белоруссия) и Астаной (Казахстан) 29 мая 2014 г. В дальнейшем членами ЕАЭС стали Ереван (Армения) и Бишкек (Киргизия). Поиск союзников на евразийском пространстве позволяет РФ, с одной стороны, иметь коллегиальное видение вопросов международной повестки дня, а другой – нивелировать глобальные вызовы и угрозы совместными усилиями евразийских стран. События января 2022 г. в Казахстане продемонстрировали, что Российская Федерация и другие члены Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) имеют схожую позицию в отношении нейтрализации террористической угрозы. В этих обстоятельствах рассмотрение политических аспектов сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС является актуальным.

Первоочередными задачами ЕАЭС и ЭПШП является экономический аспект коммуникации между их членами. Например, основа создания ЕАЭС подразумевает «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов...; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов...; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик...»¹. Что касается Экономического пояса Шелкового пути, то данный проект был предложен в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином. Причем данный проект впоследствии дополнился инициативой «Морской Шелковый путь XXI века».

Таким образом, ЭПШП и Морской Шелковый путь XXI века можно рассматривать как идею «Один пояс и один путь»². Данный проект совместил в себе несколько направлений диалоговой площадки: начиная от экономического взаимодействия, инвестиционной платформы до снижения финансовых рисков, либерализации торговли, политической стабильности региона, образовательных обменов, культурных контактов. Для самого Китая это, прежде всего, проект, завязанный на создании рынка сбыта китайских товаров, увеличении экспорта собственной высокотехнологической продукции, повышении статуса юаня в мировой финансовой системе, а самое главное, в обеспеченности транзитных поставок товаров через сушу, минуя перегруженные морские торговые пути³.

Оба проекта (ЭПШП и ЕАЭС), осуществляемые на евразийском пространстве, рано или поздно оказались бы в спектре центристских или центробежных сил. Сопредельный статус граничащих друг с другом стран делает их или союзниками, или противниками. Прекрасно это осознавая, Российская Федерация предложило КНР озвучить совместное заявление от 8 мая 2015 г., что стороны «будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути»⁴.

В этом документе можно заметить несколько ключевых тенденций, которые фиксируют конфигурацию именно политического сотрудничества РФ с другими евразийскими странами на уровне КНР и ЕАЭС.

Во-первых, инициатива сопряжения двух проектов принадлежит Москве. Кремль прекрасно осознает, что чрезмерная активность Китая работает на его дальнейшее процветание и в экономическом, и в политическом смысле. Выстраивая единое понимание будущего евразийской интеграции, КНР и РФ снимают возможные противоречия между собой. Кроме того, Москве было важно услышать сигнал, что российская и китайская стороны находятся в эгалитарном статусе в коммуитарном видении сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Увязка данных проектов показывает, что именно Россия и Китай наиболее заинтересованы в данном сотрудничестве. Участие двух гигантов демонстрирует реальный потенциал такого диалога. Например, политическими дивидендами усиленной коммуникации КНР и РФ является участие в формировании международной повестки дня (на фоне постоянного членства Пекина и Москвы в СБ ООН). Поэтому сопряжение ЭПШП и ЕАЭС позволит обоим партнерам нарастить свой вес

на международной арене. К тому же нарастание противоречий между, с одной стороны, Вашингтоном, а с другой – Пекином и Москвой способствует еще большей коллаборации КНР и РФ. Это очевидно на фоне проводимой политики Белым Домом в лице как Д. Трампа, так и Дж. Байдена, направленной на нейтрализацию китайского могущества, особенно в экономической сфере (торговые войны). Что касается отношений США и России, то они также находятся в конфронтационном спектре (разное видение спорных вопросов международной повестки дня – «украинский» и «сирийский», вилки санкций и пр.). Поэтому некоторые эксперты (Д. В. Ефременко) предполагают, что это приведет к диверсификации сотрудничества китайской и российской сторон. Например, в рамках «страхования рисков, дедолларизации банковских расчетов, их перевода на независимую от SWIFT телекоммуникационную систему передачи коммерческой информации и электронных платежей, направленных на нейтрализацию давления Вашингтона»⁵.

Во-вторых, это участие только российской стороны от ЕАЭС, а не всех участников данной организационной структуры. Что можно трактовать как признание другими членами Евразийского экономического союза лидирующего положения РФ. При этом остальные акторы ЕАЭС признали факт сопряжения на саммите ШОС в 2015 г.

Во-третьих, в то же время Ереван, Астана, Минск, Бишкек чаще договариваются с Пекином на двухсторонней основе, что ставит под сомнение эффективность сопряжения проектов ЭПШП и ЕАЭС. Например, с 2014 г. взаимодействие между Казахстаном и КНР развивается в рамках сопряжения ЭПШП и казахстанского национального проекта «Нурлы жол»⁶. Однако важно понимать, что для Казахстана сотрудничество с Китаем имеет спорные перспективы. Имеется в виду сырьевая зависимость Астаны (Нур-Султан) от Пекина. Однако количественный рост контактов оставляет надежду для повышения их качества для Казахстана⁷.

Таким образом, политическая увязка проектов ЭПШП и ЕАЭС находится в центре большего внимания для РФ, но меньшего со стороны других участников евразийского пространства по сравнению с экономической составляющей. Дело в том, что спектр политического взаимодействия практически всегда предполагает делегирование государственного суверенитета на субсидиарный уровень интеграционного объединения, ограничение собственных национальных интересов в условиях совместного решения проблемы нейтрализа-

ции глобальных вызовов и угроз. Однако политический вектор коммуникации для Кремля является более предпочтительным на фоне непростых отношений с Белым Домом и остальными странами-участницами НАТО. А экономическая коммуникация для КНР и других государственных акторов более предпочтительна в силу выгоды и экономической целесообразности. Например, создание транспортной системы с помощью высокоскоростных железных и шоссейных дорог, авиационных транспортных узлов позволит трансформировать систему отношений ЭПШП и ЕАЭС с выходом на новый этап развития с многократным увеличением экономической прибыли, созданием новых рабочих мест и пр.⁸.

Что касается нормативной базы, то в п. 44 Концепции внешней политики РФ 2013 г. обозначено: «Россия считает приоритетной задачей формирования Евразийского экономического союза». При этом для РФ является приоритетным сотрудничество с государствами постсоветского пространства по линии «обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной преступности, незаконной миграции» и «...недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье»⁹. Поскольку сотрудничество со странами ЕАЭС указано в Концепции внешней политики 2013 г. в региональных приоритетах, то можно сделать выводы, что угрозы терроризма, экстремизма, транснациональной преступности для России относятся к объектам как международной, так и региональной безопасности, т.е. являются первоочередными с точки зрения их опасности. Это еще раз подчеркивает, что Москва воспринимает диалог с евразийскими странами на постсоветском пространстве как политическую коммуникацию, нежели как экономическое сотрудничество.

В Концепции внешней политики 2016 г. риторика видения ЕАЭС для Российской Федерации меняется. В частности, «Россия считает ключевой задачей углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)...» по линии «повышения конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения... стать площадкой для реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов»¹⁰. Такая параллельность политического и экономического диалога РФ и стран ЕАЭС в условиях глобального мира является необходимой в силу реализации со-

вместных взаимовыгодных проектов. Однако и политическое взаимодействие выступает неотъемлемым элементом отношений Москвы с другими членами ЕАЭС за счет интенсификации глобальных вызовов и угроз. Поскольку проекты ЕАЭС и ЭПШП взяли курс на сопряжение, то логично, что сотрудничество проходит по линии политической и экономической коммуникации.

Анализ сопряжения ЭПШП и ЕАЭС в политическом сегменте будет неполным без рассмотрения инструментальной базы внешней политики России. В качестве ключевого инструмента поддержания безопасности на евразийском пространстве для РФ выступает ОДКБ. Возникновение данной организации было продиктовано наличием «горячих точек», зон нестабильности по периметру границ¹¹. За прошедшие годы работы данной организации к ней накопилось достаточное количество претензий, которые сводились к ее неэффективности (события 2010 г. в Киргизии, когда «репутация ОДКБ был нанесен урон, и в полной мере проявился разрыв между ожиданиями, связываемыми с лидером организации (Россией) и одной из малых стран-участниц»¹²).

Однако события в Казахстане 2022 г. позволяют говорить об изменении принципов работы ОДКБ. В частности, миротворческая операция членами ЕАЭС, в том числе и РФ, была проведена в связи с беспорядками в Казахстане. Однако итоги такой помощи выглядят спорными в связи с назначением на пост министра информации и общественного развития Казахстана ярого русофоба А. Умарова.

Для рассмотрения вопроса об интересах РФ в политической сопряженности проектов ЭПШП и ЕАЭС автором для наглядности были исследованы позиции Пекина и Москвы в сравнительном ключе.

Политический интерес для Китая в координации проектов ЭПШП и ЕАЭС связан с несколькими причинами.

Во-первых, это создание пояса региональной безопасности по периметру границ КНР. Как известно, государства Центральной Азии для КНР играют роль своеобразного буфера «на пути угроз из современных “горячих точек” региона в Китай»¹³. Дело в том, что проект создания ЭПШП должен, по мнению КНР, решить узловую проблему Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). В СУАР функционирует террористическая организация «Исламское движение Восточного Туркестана». Ее активность продиктована сложным социально-экономическим положением СУАР и сепаратистскими настроениями уйгуров.

Одним из ключевых инструментов борьбы данной организации является совершение терактов (например, в Урумчи (столица Синьцзян-Уйгурского автономного района) в июле 2009 г., в результате которого погибли 197 чел., более 1,6 тыс. ранены). Поэтому сопряжение проектов ЭПШП и ЕАЭС позволит организовать целую сеть различных центров логистических услуг, в том числе и в СУАР, что позволит поднять уровень жизни в этом регионе, а значит, снизить экстремистский, сепаратистский и террористический «потенциал» Синьцзян-Уйгурского автономного района. Таким образом, общая согласованная позиция Китая и стран-участниц ЕАЭС по борьбе с глобальными вызовами и угрозами на Евразийском пространстве позволит им быстрее принимать конкретные меры по нейтрализации террористической опасности, экстремистских настроений и сепаратизма.

Во-вторых, формирование долгосрочного стратегического партнерства КНР с членами ЕАЭС необходимо Пекину, в непростых отношениях с США¹⁴.

Исследуя политические интересы России в сопряжении проектов ЕАЭС и ЭПШП, можно сказать о следующих аспектах:

1) для Кремля участие в них продиктовано, в первую очередь, не экономическими мотивами, а политической составляющей. Долгосрочная перспектива по созданию зоны свободной торговли, общей либерализации торгового режима на Евразийском пространстве находится вне круга стремлений Москвы. Понятно, что в условиях слабого развития собственного рынка готовой продукции ни Россия, ни остальные участники ЕАЭС не готовы к полному открытию торговых границ с Китаем;

2) для РФ первоочередной задачей является создание пояса добрососедства с сопредельными странами. В этих обстоятельствах важно учитывать национальные интересы Китая без «наступления на горло» собственным задачам. После распада Советского Союза зона национальных интересов РФ больше ориентировалась на постсоветское пространство. Именно поэтому в разные годы появляются интеграционные проекты с участием России – СНГ, Таможенный союз, ЕврАзЭС, ЕАЭС. Поэтому для Кремля важно не допустить «усиление присутствия Китая в Центральной Азии», чтобы это «не стало политической заменой СНГ и ЕАЭС»¹⁵;

3) коммуникация Москвы и Пекина выступает своеобразным дуумвиратом в противодействии американским идеям мирового господства. К тому же количественный рост

контактов российской и китайской сторон можно рассматривать как своеобразную реакцию на нарастание противоречий между РФ и западными странами.

Однако важно понимать, что стремления КНР в проекте ЭПШП трактуются остальными участниками международного сообщества не так однозначно. Современное развитие глобальной экономики сопровождается постоянной конкуренцией за рынки сбыта. А проект ЭПШП будет способствовать обострению соперничества между странами, что вряд ли вызовет позитивную реакцию остальных участников международного сообщества. К тому же ЭПШП нацелен на растущее могущество КНР, что вызывает беспокойство многих государственных акторов¹⁶.

Понятно, что в условиях возрастания глобальных вызовов и угроз назрела необходимость оптимизации диалога по их нейтрализации. Поэтому расширение диалоговой площадки по спектру экономического взаимодействия ведет к углублению союзнических отношений в политической сфере. Кроме того, риски террористической опасности также играют на руку оптимизации коммуникации в обеспечении безопасности.

Рассмотрение перспектив политического диалога сопряжения ЭПШП и ЕАЭС предусматривает следующие проблемные зоны.

Во-первых, перспектива дальнейшего расширения участников ЕАЭС и, как следствие, сопряжение с проектом ЭПШП. Проблемное видение количественного роста новых членов ЕАЭС состоит в их целевых задачах. То есть свежеспеченные участники должны быть настроены на долгосрочную перспективу интеграционного взаимодействия со всеми вытекающими последствиями. А узкая направленность получения экономической прибыли вряд ли позволит перейти к более тесному сотрудничеству¹⁷.

Во-вторых, проблемной зоной также будет отсутствие эгалитаризма участников сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП (КНР). Наличие «государств-гегемонов» (Россия и Китай) и «малых» стран Евразийского экономического союза ведет к дисгармонизации диалога указанных сторон.

В-третьих, выработка схожих подходов в решении нейтрализации глобальных вызовов и угроз также представляется сложной в связи с разнонаправленностью интересов участников сопряжения ЭПШП (КНР) и стран-участников (ЕАЭС).

Перспективы политического сопряжения ЭПШП и ЕАЭС для Российской Федерации можно рассматривать через призму расширения

состава участников, углубления формата взаимодействия участвующих сторон, совместных проектов, а также основных препятствий функционирования этой региональной организации.

Примечания

- 1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Report of the Implementation of the 2014 Plan for National Economic and Social Development and on the 2015 draft Plan for National Economic and Social // npc.gov.cn: [официальный сайт ВШНП]. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Special_12_3/2015-03/19/content_1930758.htm (дата обращения: 26.11.2021).
- 3 См.: У Яньбинь. Геополитические аспекты Экономического пояса Шелкового пути. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/11927/1/dissertaciya.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).
- 4 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 03.01.2022).
- 5 Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 40. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10003>
- 6 О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518> (дата обращения: 03.01.2022).
- 7 См.: Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете. 7 сентября 2013 г. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/ydyl_675049/zyxw_675051/t1074063.shtml (дата обращения: 03.01.2022).
- 8 См.: Прорыв на Шелковом пути : Россия начинает строить небывалую автомагистраль, которая свяжет Китай и Западную Европу. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20190728/1024400377.html> (дата обращения: 22.01.2022).
- 9 Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 10 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

- ¹¹ См.: Договор о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.) (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ¹² Троицкий Е. Ф., Зиновьев В. П. Организация Договора о коллективной безопасности : становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4 (54). С. 343. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/20>
- ¹³ Новичков В. С. Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 117. <https://doi.org/10.17223/15617793/424/16>
- ¹⁴ См.: Денисов И. Е. Шелковая безопасность : новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. 2015. Т. 21, № 3 (114). С. 51–60.
- ¹⁵ См.: Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути : интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций : образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 3. С. 67–81. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67>
- ¹⁶ См.: Ларин А. Г. Сопряжение ЕАЭС и Нового Шелкового пути : шансы и вызовы для России // Новый Шелковый путь и его значение для России. М. : ДеЛи плюс, 2016. С. 109–130.
- ¹⁷ См.: Бирюков С. «Новый шелковый путь» и евразийская интеграция. URL: <https://www.geopolitica.ru/node/63981> (дата обращения: 22.12.2021).

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022